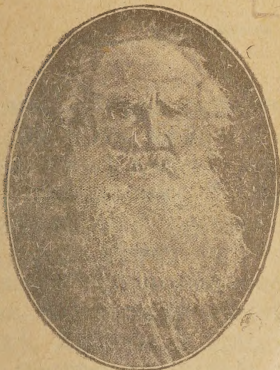
PG3386 .S36 1920

КТО БЫЛ ЛЕВ ТОЛСТОЙ.

ЦЕНА 2 руб.



2-е Издание.

Составил Алексей Сергеенко.

Издание Труд. Общины „Трезвая Жизнь".

МОСКВА,
Типография „СОВМЕСТНЫЙ ТРУД", Богословский пер., д. 2.
1920.

Кто был Лев Толстой.

Редко можно теперь встретить человека, особенно если он хоть немного грамотен, который не слыхал бы, что у нас в России был знаменитый старец Лев Николаевич Толстой. Нет кажется уже ни одного такого глухого угла, где не слышно было бы о нем. Известен Лев Нникола́евич Толстой миллионам и миллионам людей,—и не только у нас, в России, но в разных странах: в Германии, Англии, Америке, Японии, Китае, Австралии, Индии. Слава о нем распространилась по всему миру. Отчего же она так широко разошлась? Чем Лев Николаевич Толстой выделился? Чем был замечателен?

Замечателен Лев Николаевич Толстой, во-первых был тем, что считался редким писателем. Даром слова он обладал таким, каким почти никто не владел до него. Сочинения его так искусно написаны, что когда читаешь их, то будто сама жизнь перед глазами проходит и душу человеческую он так глубоко в них разбирает, как редко кто из писателей это делал.

Главные сочинения, составленные им: „Детство, Отрочество и Юность“, „Казаки“, Война и Мир“, „Анна Каренина“, „Воскресенье“, народные сочинения: „Свечка“, „Где любовь, там и Бог“, „Два старика“, „Власть тьмы“ и др.

Второе, чем он был замечателен, это тем, что был мудрец. Мудрец—это человек с великим светлым разумом, вникающий в жизнь и душу людскую, размышляющий, что такое жизнь и как надо жить и сообщающий людям свои духовные знания. Великие мудрецы появляются редко. Проходит много столетий, иногда тысячелетий, пока появится мудрец. Две с половиной тысячи лет тому назад в Китае были мудрецы Конфуций и Лаодзе, более двух тысяч лет назад у индусов были мудрецы Будда, у греков Сократ, у турок Магомет, у евреев Исаия, но самым замечательным мудрецом был 1900 лет назад Христос. Мудрецы никогда не забываются. Они светят человечеству во все века. Но обыкновенно случается, что их высокие чистые учения людьми не понимаются и извращаются. Так было и с учением Христа. В течение 19 столетий его учение искажалось и извращалось разными способами: и церковью, и государством и наукою. Только после 19 столетий Лев Николаевич Толстой своим великим, светлым разумом рассеял всю ложь, опутавшую учение Христа, разрушил все извращение его, раз'яснил все непонимание его и снова утвердил ту вечную истину, которую несли людям все их истинные просветители, а особенно Христос, истину о том, что кроме тела, которым наделен человек, он наделен от Вечного Начала Бога еще более яв-

ной и сильной сущностью—духом, и этот дух надо почитать более, чем тело; жизнь телесная только для того и нужна, чтобы человек служил этому духу. А служить ему можно лишь одним путем совершенствованием себя и любовью ко всему сущему.

В отношениях людей самое главное доброта, жалость, любовь, прощение. Как невозможно человеку существовать без воздуха и воды, так никогда не могут иметь люди разумной, счастливой жизни без любви, а потому и должны считать любовь друг к другу превыше всего. В этом состоит смысл жизни и в этом закон ее,—не людьми придуманный, а вечный закон, данный Богом. Много книг написано Львом Николаевичем об этом и из них главные: „Исповедь", „Критика догматического учения", „В чем моя вера", „Исследование Евангелия", „О жизни", „Религия и нравственность", „Христианское учение", „Что такое религия и в чем сущность ее" и мн. другие.

Веру свою Лев Николаевич основывал только на разуме и никакой другой основы для веры не признавал. Он отрицал всякую церковь и духовенство. Все церкви враждуют между собою, всякая утверждает, что только она одна истинная, вселенская, апостольская, а на самом деле каждая из них только убивает живой дух Христова учения, только обманывает и запутывает народ. Лев Николаевич обличал и порицал церковь и за это отрицание ее был Святейшим Синодом отлучен от православия в 1901 году, проклят и предан анафеме. Но это его не остановило от искания истины и он продолжал обличать заблуждения церкви в ста-

тьях: „Ответ Синоду“, „Обращение к духовенству“ и других.

Отрицая церкви и все разделившиеся религии, Лев Николаевич признавал, что Бога надо исповедывать „всем сердцем, всею душой и всем разумением,—„в духе и истине“ и говорил, что должна составиться единая религия, одно всемирно-религиозное учение. Из всех религий, какие только когда-либо существовали, он брал что было в них общее, лучшее и соединил это в одно.

Лев Николаевич является поэтому первым об'единителем всех религий. В этом одна из великих его заслуг. Сочинения его, в которых им показано это об,единение, следующие: „Мысли мудрых людей“, „Круг чтения“, „На каждый день“ и „Путь жизни“.

Лев Николаевич отрицал также и государство, говоря, что всякая власть держится на насилии, убийствах, тюрьмах и, кроме величайших бедствий, ничего не дает людям, а потому есть зло.

Отрицал он смертную казнь и войну, какую бы то ни было и с кем бы то ни было: с немцами ли, с французами ли, с англичанами, с японцами или друг с другом, доказывая что убийство есть всегда грех и что не может быть никакой самой лучшей цели, которая оправдывала бы его.

Отрицал Лев Николаевич всякое вообще принуждение и насилие людей друг над другом. В своих сочинениях он пояснял, что как у отдельного человека бывают разные возрасты, так и человечество переживает разные возрасты. До сих пор человечество не знало как жить, чтобы обходиться между собою без употребления насилия и

вся жизнь людей от этого была основана на принуждении. Главный закон у них друг для друга был закон насилия. В таком грубом возрасте человечество жило до сих пор. Но люди развивались, сознание их росло, мудрецы уясняли, что насильственная жизнь только приносит несчастия. Теперь наступило время для нового возраста человечества, в котором люди поймут, что жизнь должна быть основана не на законе насилия, а на законе любви. Только один закон любви может дать людям счастье и истинно-свободную жизнь.

Отрицал Лев Николаевич и то, что так мучает людей и столько зла среди них рождает,—расделение на классы бедных и богатых. Всегда страдал и сильно скорбел он о бедности и угнетении трудового народа и призывал богатые классы понять, что они держат народ в рабстве, что народ не в силах больше жить в угнетении и нужде и что если богатые классы не одумаются, не остановятся в жизни своей, то погубят самих себя и народ. Но правительство и богатые классы не слушали его, не верили ему, и, хотя он сильно тревожил их своими обличениями, но они не смели самого его трогать и преследовать из-за его всемирной славы, не хотели, чтобы о них говорили, что они сделали Льва Толстого мучеником, но зато они сжигали его сочинения и морили по тюрьмам и ссылкам людей, которые думали так же, как он.

Самой главной причиной разделения людей и народного угнетения Лев Николаевич считал лишение народа земли. Он говорил, что от безземелия народ голодает, от безземелия идет в города,

совершает преступления, сбивает цену на труд, закабаляется у помещиков и капиталистов. Была бы, как он полагал, свободная земля, мог бы трудовой народ ею пользоваться и вся его жизнь переменилась бы и не было бы всех тех ужасов и материальных бед, от которых он страдает.

Но обличая всю неправду правительства, всех паразитов и угнетателей народных, Лев Николаевич вместе с тем говорил, что все же самая главная причина того зла, которое народ терпит, находится прежде всего в нем же самом. Отчего,—спрашивал он,—царское правительство давило, душило народ? Оттого, что народ шел к правительству в солдаты, в стражники, урядники и слушался царской власти, угнетая своего же брата. Отчего народ не мог владеть землей? От того, что люди из народа шли в сторожа, в об'ездчики, охраняли для помещиков землю, а если происходили где-нибудь крестьянские беспорядки, то туда посылались солдаты, набранные из народа, и они расгоняли, секли, убивали своих же братьев, отцов, матерей. И так во всем угнетении и порабощении народ шел по своему несознанию против самого себя, сам себя давил, сам себя опутывал рабством. Народ, обманутый духовенством и устрашенный правительством, не понимал, что он сам поддерживает ту власть, то устройство, которое мучает его, и что только надо ему не повиноваться власти, перестать ее слушаться, и она сама собой рухнет, и все рабство пройдет. И потому Лев Николаевич призывал не поддерживать власть, не слушаться ее, а главное не идти в солдаты, которыми прежде всего держится власть.

Кроме, того Лев Николаевич считал, что плоха жизнь у народа еще потому, что народ сам плохо живет. Пьянствуют, сутяжничают, завиствуют, ненавиствуют, не по братски относятся друг к другу, каждый наровит как бы ему одному было хорошо, а до другого дела нет. Может ли у таких людей жизнь получиться хорошая? Лев Николаевич говорил, что если на самом деле народ желает лучшей жизни и более правильного устойства, то прежде чем бороться с управителями, ложными пастырями, угнетателями, надо обратить к своей душе, ее улучшать, ее переменять, с ней бороться. А перемена одних управителей на других, без переделывания самих себя - нисколько делу не поможет. Все равно как на грязном теле, разводится нечисть, так угнетатели, управители и богачи находятся среди народа только потому, что народ сам плохо живет. Но как нечисть переводится, коль скоро тело опрятно и в порядке, так и все поработители народные исчезают, как только народ делается лучше. Еще сравнивал Лев Николаевич устройство жизни людской с постройкой здания. Возможно ли вывести хорошее здание из слабых непрожженных кирпичей? Чтобы строение получилось основательнее, хорошее, надо чтобы кирпичи были крепкие, хорошо прожженые. Так и устройство людское,—может ли получиться хорошее, если люди, из которых оно слагается, плохи, если они только на словах братья, а на деле враги друг другу, завиствуют, ненавидят и проч? Какое устройство ни складывай из таких людей, жизнь все равно получится плохая и тогда только сде-

лается лучше, когда сами люди станут лучше. Как ни зажигай сырые дрова и на какой манер их не перекладывай, они все равно не загорятся. А загорятся только высохшие дрова.

Поэтому Лев Николаевич не сочувствовал насильственным революциям и таким переворотам, которые делаются не сами собой, когда люди дошли до них благодаря своему сознанию, а производятся только наружно, при помощи внешней перемены и не мог сочувствовать никаким насилиям и убийствам при переустройстве общей жизни, говоря, что кроме того, что проливать кровь ради чего бы то ни было есть величайший грех,—насильственные революции, восстания, гражданские войны, нисколько в действительности не улучшают положения и не подвигают дела освобождения народа, а только задерживают его, замедляют ту перемену, которая могла бы очень скоро произойти при внутреннем улучшении людей.

По этим вопросам Лев Николаевич написал много книг, главные из которых: „Так что же нам делать?“, „Царствие Божие внутри вас“, „Рабство нашего времени“, „Единое на потребу“, „О значении русской революции“, „Христианство и патриотизм“, „К рабочему народу“, „Единственное средство“, „Где выход“ и мн. др.

Расбирал Лев Николаевич в своих сочинениях и другие вопросы. Писал о том, как воспитывать и чему обучать детей, (Сочинения об этом: „Азбука“, „Педагогические статьи“, письма о воспитании) и о том, что такое наука, и каким должно быть искусство, (Книга: „Что

такое искусство", „О Шекспире и драме", "О науке" и пр.), писал о многих других жизненных вопросах. (Статья „Первая ступень"—о мясоедении; „Богу или маммоне", „Для чего люди одурманиваются"—о вине и табаке; „Великий грех" и несколько других статей—о земле). Не было ни одной стороны жизни, которой он не осветил бы своим великим умом.

Кроме того, что Лев Николаевич был, во-первых, замечательный писатель и во-вторых замечательный мудрец, он был замечателен еще и тем, что был человеком всеми силами стремившийся и достигший высокой праведности.

Родился он в знатной богатой семье и происходил из графского рода, жил с детства помещичьей праздной жизнью. Дар слова в нем рано появился и уже с юных лет он стал размышлять о жизни, но благодаря полученному воспитанию, молодость провел бурную. Но эта жизнь не удовлетворяла его, он от нея мучался, каялся, кидался из стороны в сторону, не мог никак найти самого себя и понять, что ему делать в жизни. Был он на войне во время покорения Кавказа, участвовал в Крымской компании при обороне Севастополя, но скоро вышел в отставку. Лет 30-ти занялся народным просвещением. Жаль ему было народа за его невежество и он строил по своему уезду школы, завел и в собственном доме школу, в которой с утра до ночи проводил время с крестьянскими ребятами и всей горячей своей душой отдавался школьному делу. Но через несколько лет и это дело перестало его удовлетворять. Говорил он, что вот он учит кресть-

янских детей разным наукам, а для чего эти науки нужны и в чем главная наука жизни, что такое жизнь и как надо жить, не знает. 34-х лет он женился, и женитьба на первых порах словно его успокоила и как будто прикрепила к жизни. Занялся он семьей, развел большое хозяйство, имел сады, много скотины, обширные запашки, прикупал земли. В то же время писал разные рассказы, романы, слава о которых шла все больше и больше по всему миру. Но постепенно и эта жизнь перестала его удовлетворять. Спрашивал он себя, что же из того, что у него большая семья, богатое имущество, великая слава? Для чего это все? Что-же после? Ему было около 50-ти лет, он был в цветущей силе, могучего здоровья, мог работать наравне с самым крепким крестьянином, а радости жизни никакой не имел и страдал и так мучался, что готов был каждую минуту лишить себя жизни. Он понял, что он дошел до такого отчаяния и мучения потому, что не имел веры, от этого и не видел никакого смысла в жизни. И он стал искать веру, искал ее несколько лет и наконец нашел то, что искал. Он понял, что есть смысл жизни и что смысл этот дает истинное чистое христианское учение. Он весь духовно переродился и жизнь его стала совсем иная. Он отказался от богатства, отрекся от графского титула, от славы, перестал продавать за деньги свои сочинения (а за них он получил бы большие миллионы), хотел расдать все имущество бедным, но жена его не допустила до этого и тогда он все имущество отдал семейным, как оно перешло бы к ним после его смерти, а сам остался ни с чем; бросил курение, перестал употреблять вино,

мясо, работал крестьянские работы, пахал, косил, помогал бедным вдовам, а главное всем своим разумом и силами порывался к Богу, к очищению и просветлению своей души, в отношении же людей стал стремиться ко все большей и большей любви, доброте, кротости, прощению. Что дальше и чем старее он делался, тем все больше и больше духовно озарялся и наполнялся любовию к людям. Кто знал его последние годы жизни, тот видел какого света достигла его душа и как переполнен он был любовию к людям. О любви он уже более всего и писал, неустанно повторяя слова Иоанна Богослова: „Братья, любите друг друга". Статьи его о том, что нельзя людям жить без любви, следую-щие: „Закон насилия и закон любви", „Единая заповедь„, „Неизбежный переворот", „Благо любви" и др. Он указывал, что только любовь есть закон жизни, что только любовь может дать истинную свободу, истинное равенство, братство и справедливось, и что, только живя в любви, люди узнают радостную, разумную жизнь, при которой не страшны никакие страдания, и смерть. Для него не было делений людей на хороших и плохих, на грешников и праведников, он одинаково во всех видел одну душу, с общими слабостями и грехами и с заложенной в каждого искрой разума и любви.

Для него не было врагов, потому что он считал, что высшая любовь—любовь к врагам и с любовью и прощением относился ко всем, кто делал ему плохое.

Он жил высокой духвной радостью, но во внешней, домашней жизни его вместе с тем было мно-

го тяжелого; жена ни в чем с ним не соглашалась и кроме того, жила в большом достатке, а он мучался тем, что, находясь с нею и с семейными, он был всем необходимым обеспечен, и даже окружен роскошью, тогда как в это же время народ жил в нужде и нищите 30 лет он собирался уйти из дому, но все не уходил, чувствуя грехом покидать жену и семью, обозлять их против себя. Сильно он страдал, невыносима ему бывала жизнь в доме, не мог он видеть, как преследовали крестьян за порубки, и потравы, много надо было ему силы воли, чтобы оставаться дома и все тяжелое переносить с кротостью. Но наконец он увидел, что семейные больше в нем не нуждаются и что дальше он будет делать грех, если останется с ними, потому что выходило так, что когда он с ними, то как будто потворствует всему тому, что считал неправильным. Чувствовал он, что больше не в силах жить несогласно со своей совестью. И 28-го октября 1910 г., ночью, на 83-м году, он ушел из дому, чтобы жить среди простого народа бедным странником. Но ему этого не пришлось. По пути он захворал тяжкой болезнью, сошел с поезда, очутился на захолустной станции Астапово, Рязанской губернии, проболел здесь неделю и 7-го ноября 1910 года скончался.

Хотя последние свои дни он находился в самой простой квартирке, и никакой роскоши вокруг него уже не было, но он все вспоминал трудовой народ, и говорил, что вот в деревне умирают без всяких удобств, а о нем заботятся и лечат, и стыдился этого.

Умирая, он видел, как его друзья и родные со-

крушались о нем и последние слова, которые он им сказал, были о том, что вот они все смотрят на него одного, а надо бы помнить о других миллионах людей.

Умер он, оставаясь до конца своего сознания переполненный любовью и непоколебимый в своей чистой ясной вере.

Похоронили его, как он просил, без церковных обрядов, в лесу, на краю оврага. в деревне Ясная Поляна, где он родился и прожил почти всю жизнь.

После смерти его осталось распоряжение, чтобы были проданы те его сочинения, которые не были при нем напечатаны а чтобы на вырученные деньги была выкуплена у семейных для крестьян та земля, которую они когда то не дали ему расдать.

Таковы в кратком описании жизнь и учение великого борца за вечную истину и неутомимого искателя правды. Есть подробые книги о его жизни: „Лев Николаевич Толстой“, биография, составленная П. И. Бирюковым, в 2-х томах, „Жизнь и учение Л. Н. Толстого“, составлено Н. Н. Гусевым и мн. др. жизнеописания.

Если же кто хочет получше узнать, чему он учил, тот пусть читает перечисленные здесь его книги по религиозным и общественным вопросам.

Из всех великих людей не было человека более близкого душе русского народа и лучше всех помогающих ему разобраться в самых важных вопросах жизни, чем Лев Николаевич Толстой, а потому людям трудового народа особенно следует знакомиться с его учением.

Алексей Сергеенко.